

ного представления о мире. Этим определяется существование двух способов изображения событий на временной оси: объективного, т. е. соотнесение времени с общепринятой системой мер и координат, и субъективного — интроспективной системы отсчета с помощью специальных закрепленных градаций или оценок [5]. Закон, сформулированный лингвистом, не только не противоречит философским концепциям времени, но и косвенно подтверждает их.

При представлении длительности глагольного действия можно выделить эти же два способа изображения действительности: концептуальное и перцептуальное время в философии и, соответственно, объективная и субъектно-интроспективная система Агриколы. Таким образом, выводы о внутренней организации семантической категории длительности, сделанные на основании анализа фактического материала, получают теоретическое обоснование.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ломов А. М. Вид и деятельность // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1971.
2. Рассел Б. Проблемы философии. СПб, 1914.
3. Рассел Б. Человеческое познание. Его сфера и границы. М., 1956.
4. Теория функциональной грамматики / Под ред. А. В. Бондаренко. Л., 1987.
5. Agricola E. Textstructur. Textanalyse. Informationskern // Leipzig: Enzyklopödie, 1979.

Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1993

Н. В. БАГИЧЕВА
Уральский пединститут

ЛЕКСИЧЕСКАЯ И ПРАГМАТИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА ТЕРМИНОВ РОДСТВА

Описываются закономерности речевого варьирования семантики существительных со значением родства, определяются типовые контекстуальные условия, способствующие модификации семантики слов названной группы в речи.

В современной семасиологии все более заметны различия между сторонниками интегрального (широкого) и дифференциального (узкого) понимания структуры лексического значения. В основе дифференциальной теории компонентного анализа лежит представление о лексическом значении как комплексе дифференциальных семантических признаков, которые могут быть выявлены на логической основе, в процессе парадигмати-

ческих противопоставлений значений слов либо путем анализа словарных толкований [1; 5; 3]. Подобное описание дает достаточно убедительные результаты: так, в исследованиях самых различных языковедов в качестве дифференциальных признаков терминов родства предстает практически один и тот же набор сем: пол, поколение, прямое родство или боковая линия, кровное или некровное родство, родство по супружеству [3; 4; 6; 9; 15; 20]. В результате наблюдений над подобными оппозициями рождается представление о том, что «значения слов должны быть представлены с помощью ограниченного и сравнительно небольшого числа семантических элементов» [14, с. 64].

Логика научного познания такова, что в каждой, казалось бы, законченной теории обнаруживается «слабое звено», исследование которого нередко приводит к существенному обновлению всей теории. Таким слабым звеном в традиционном компонентном анализе стала ограниченность состава дифференциальных признаков. В последние годы в отечественной и зарубежной лингвистике все чаще высказывается мысль о том, что немногочисленные признаки, выделяемые при компонентном анализе, не в состоянии отразить всю глубину реальной семантики слова [8; 10; 12; 16; 7].

В основе интегральной теории лексического значения лежит представление о том, что семы, выявленные в результате анализа парадигматических связей и отражаемые толковыми словарями, составляют лишь ядро лексического значения, которое в реальных коммуникативных условиях может обладать различной (в том числе минимальной) прагматической значимостью. В соответствии с рассматриваемой точкой зрения, «значение не имеет жестких и четких границ и иррадирует в конечном счете все значение» [7, с. 24]. Помимо ядра, в структуру лексического значения входит множество ассоциативных признаков (по другой терминологии — «интенционал», «ассоциативный ореол»), способных в конкретных текстах приобретать первостепенную важность или, наоборот, слова становятся совершенно несущественными. Например, слова *мама* и *мать*, помимо основных дифференциальных признаков (кровное родство, женская линия, предыдущее поколение), обладают множеством ассоциативных признаков: добрая, ласковая, заботливая, самый родной человек и др. Эти признаки регулярно акцентируются в художественных текстах. Ср.:

Мама! Это первое слово, которое произносит человек, и последнее... ..Мать нас рождает в муках, воспитывает, кормит. Что еще? Стирает на нас. Все, что мы сейчас делаем. Да и работаем; Павлик потому укусил Максю, что Макся ему кричал: не пустим сюда твою мать, не пустим! Его Павлик и укусил, и правильно, я бы тоже за свою мать укусила; Правильно, об матери заботится, ему надо заботиться о ней, она у него одна — мать (Л. Петрушевская).

Соответственно *свекровь* — это не только прямая родственница по супружеству из предыдущего поколения, но и женщина, любящая и оправдывающая только собственного сына, обвиняющая во всех семейных неурядицах невестку, нарушитель семейного спокойствия. Это именно признаки слова, потому что в действительности далеко не всякая свекровь вызывает указанный набор ассоциаций. Ср.: *Кира старалась все успеть и все равно не успевала. Свекровь упрекала, что неумеха и нескладеха, что стирает не слишком чисто, и гладит не так хорошо и готовит не бог весть как* (Е. Березина); *Сыну скоро девять, отличник, спокойный, стабильный, здоровенький мальчик! Свекровь — не стерва, и ее, Инну, заслуженно уважает. Все вроде бы сложилось!* (К. Авдеева).

Показательно, что ассоциативные признаки рассматриваемого типа часто обнаруживаются в числе наиболее распространенных реакций в «Словаре ассоциативных норм русского языка»: *бабушка* — добрая, хорошая, милая; *мать* — добрая, родная, хорошая, милая, нежная; *папа* — милый, любимый, дорогой [11].

Существует мнение, что ассоциативный ореол связан не с лексическим значением слова, а со свойствами обозначаемой им реалии, что ассоциативные признаки относятся к сфере неязыкового знания, а сама интегральная (широкая) теория лексического значения «растворяет собственно языковое содержание того или иного значения в необъятном море других знаний о предмете, который оно представляет (именует), и ведет, следовательно, к произволу, к совершенно неоправданному субъективизму в семантических исследованиях» [2, с. 86]. Представляется, что критерием истинности и «оправданности» той или иной теории служит ее объяснительная сила, способность объяснить специфику максимального количества словоупотреблений. Признание бесконечной глубины лексического значения — это не «субъективизм», а закономерное следствие признания отражательной природы лексического значения, которое способно отразить бесконечное количество признаков обозначаемого словом объекта.

Как бы предугадывая возможность сомнений в принадлежности ассоциативных признаков не денотату или соответствующему понятию, а именно слову, Л. В. Щерба писал: «Слово *Европа* несомненно имеет в нашем языке (совершенно независимо от того, насколько или в каком отношении это соответствует действительности) характерный признак — «страна передовой цивилизации», откуда возможность таких сочетаний, как европейские манеры, европейская вежливость и т. п.» [19, с. 279]. В наиболее полном виде проблема соотношения дифференциальных и ассоциативных признаков слова разработана в концепции Д. Н. Шмелева, который подчеркивает собственно языковой статус ассоциативных признаков, их специфические

связи с ядром лексического значения и, что особенно важно, их большую роль для словообразования и развития вторичных значений [18].

О значимости ассоциативных признаков для словесной семантики говорит и тот факт, что слова с одним и тем же набором семантических признаков могут отчетливо противопоставляться в речи. Ср.: *И я благодарен своему имени за то, что оно свято оберегало чужое детство и никогда не заставляло мою приемную дочь Катьку лгать передо мной, ни называть меня слащаво папочкой, ни равнодушно — папой, ни строго — отцом, ни цинично — папа, ни насмешливо папашей, ни даже по имени-отчеству (которого здесь не привожу, чтобы не обнаруживать еще своих наследственных пороков), но всегда искренне и достойно: Роберт,— вот что такое мое имя.* (А. Иванченко). Очевидно, что простое перечисление сем (поколение, пол, прямое родство и т. д.) не дает полного представления о семантике каждого из выделенных слов.

Нередко в конкретном тексте ассоциативные признаки выходят на первый план, почти полностью подавляя дифференциальные компоненты. Ср.: *Я был внимательным отцом. Я взял на это время отпуск. Я бросил пить. Я вовремя будил нашу девочку, делал ей гоголь-моголь, пек ее любимое сладкое, баловал и нежил ее не хуже деда...* (А. Иванченко). Герой в действительности является отчимом девочки, то есть в данном случае полностью нейтрализуется сема «кровное родство» и прагматическая семантика слова *отец* связана с акцентированием признаков «доброта», «заботливость», «любовь», что усиливается сравнением с дедом, кровное родство с которым специально подчеркнуто в тексте.

В следующем фрагменте из пьесы Л. Петрушевской «Золотая богиня» слово *отец* использовано трижды. В первом случае актуализированы исключительно семы ядра, во втором — добавляется ассоциативный признак «самый близкий и родной человек», в третьем — ядронные семы совершенно нейтрализуются, акцентируется периферийная сема «самый главный, значимый человек в жизни» (вторичное значение):

Веселка. *Маляр, как тебя по отчеству, забыл.*

Маляр. *Леонардович я, Леонардович.*

Веселка. *Слушай, у тебя отец же был дед Вася. Я помню. Ты что же, отца забыл как звать?*

Маляр. *Своим отцом я считаю Леонардо да Винчи.*

Нередко ядро значения в целом сохраняется, хотя более значимыми представляются ассоциативные признаки: *Кандалыто у него какие! Сверкают, словно бриллианты. Сразу видно особо опасного преступника. Такой родную мать придушит. Сама природа позаботилась, чтобы начертать на его лице следы жестокости и самых грязных пороков* (В. Пиккуль). К ведущим семам ядра у слова *мать* следует отнести «женский пол», «пря-

мое родство», «прямая линия», «старшее поколение», однако в данных коммуникативных условиях более важны ассоциативные признаки: «самый близкий, родной, дорогой для каждого человек». Эти признаки усиливаются наличием прилагательного *родной*. Негативная характеристика героя сохранилась бы и в том случае, если бы слово *мать* было заменено некоторыми другими терминами родства: *жена, сестра, отец*.

Акцентированию периферийных компонентов семантики способствует противопоставление слов с различными ассоциативными признаками: Ср.: *Кого я только не встретила в городской травматологии! Сестру, которую пьяный брат спустил с лестницы. Она лежала с тяжелыми переломами. Жену — на ней буквально живого места не было, так постарался любящий супруг. Дочь с отбитыми почками — отец ее пинал за «двойку» по физике. И ни в одном из этих случаев не было возбуждено уголовное дело, никого из виновных не привлекли к судебной ответственности* (Е. Березина). Нетрудно заметить, что в данной ситуации наиболее значимы противопоставления: сестра — брат, жена — супруг, дочь — отец. К ведущим семам ядра у всех слов следует отнести «пол», «кровное родство» и «родство по супружеству», однако более важны ассоциативные признаки: у первого слова каждой пары — «нуждающийся в заботе, защите», у второго слова — «сильный, надежный, дающий опору».

Противопоставление слов с различными ассоциативными признаками — далеко не единственный прием повышения роли прагматической части значения имени. Не менее типичны контексты, в которых повышению яркости ассоциативных признаков способствует семантическое согласование указанных сем, использование в качестве однородных (и даже функционально эквивалентных) терминов, объединенных какими-то общими ассоциативными признаками Ср.: *И Подберезкин смотрел на нее — на эту женскую фигуру в белом, склонившуюся над раненым, на голову в косынке с красным крестом, с девически нежным профилем, на отдельные локоны, выбившиеся из-за уха, на уверенно и быстро двигающиеся пальцы — в ней все чудесно соединялось: и мать, и сестра, и уши! больше всего для него — желанная женщина* (Е. Гагарин). Данный однородный ряд (показательно включение в него словосочетания *желанная женщина*, находящегося за пределами терминологии родства) объединяется не только дифференциальным признаком «пол», но и ассоциативными семами; едва ли приведенный ряд можно было бы пополнить словами *теща, сватья, соседка*.

Значимость дифференциальных признаков терминов родства понижается и в следующем контексте: *Что значит батрачат? — Кабанов вынул папиросу изо рта и повернул к собеседнику крепко впаянную в плечи голову. — Если христианская родня уважение оказывает, не ругать, умиляться надобно и радоваться... Кумовья да золовки от души пособили, а ты серчаешь*

(С. Антонов). В данном случае совершенно не играет роли конкретная степень родства (пол, поколение и др.): важно наличие людей, которые помогут, выручат в трудных обстоятельствах. Поэтому актуальный смысл фразы полностью сохраняется при изменении состава однородных членов (*кумовья, золовки — зятя, сватья*) или в условиях замены ряда однородных членов словом с более общим значением (*родня, родственники*). Ср., однако, контекст, в котором очень важен дифференциальный признак «поколение»:

А песни моих родителей сейчас кажутся еще лучше, а деды и прадеды невали так, будто душа их со всей мировой жизнью беседовала, с Природой, с Богом, с Вечностью (А. Жуков); Но ведь свой творческий опыт и приемы они передали своим сынам, дочерям и внукам, и теперь уже эти поколения продолжают их дело (Ю. Галкин, В. Стаценко). В другом контексте на первый план выходит признак «пол»: *Я все для своего... Как бы ни был... Все для ребенка сделаю! Все! А если вообще у нас будет сын... Все! Точка!* (Л. Петрушевская). Или:

Светлана. *Вот за мной мой Максим ходить в старости не будет.*

Федоровна. *Нет! Не будет.*

Светлана. *Это надо дочь!* (Л. Петрушевская).

Показателем актуализации ассоциативных признаков в условиях нейтрализации каких-то обязательных компонентов часто служит внешняя алогичность высказывания. Так, в следующем фрагменте дважды использовано слово *муж*, но в первом случае актуализированы исключительно обязательные признаки, а во втором — максимально значимые ассоциативные признаки:

Татьяна. *Валера! Выхода нет, надо толем крышу покрыть.*

Валера. *Толем! Я испытываю отвращение к физической работе. А от умственной меня тошнит.*

Татьяна. *Ну что за муж, разве это муж? Твой же сын будет под дождем с бронхиальной астмой.* (Л. Петрушевская).

Как известно, муж является таковым вне всякой зависимости от его моральных качеств, однако героиня считает главным признаком мужа и отца не юридическую оформленность отношений и кровное родство, а заботу о своей семье, внимание к жене и сыну; иначе говоря, для нее ведущими становятся ассоциативные признаки, в то время как основные компоненты семантики теряют яркость.

Внешний алогизм присутствует и в следующем контексте: *Редакция этой газеты советует кайзеру Вильгельму учиться мудрости у его бабушки, королевы Виктории, а не соваться в Африку ради мнимой дружбы с бурами, после чего кайзер возмущенно заявил, что отныне бабушки у него нету...* (В. Пикуль). Бабушка, разумеется, есть: кайзер говорит здесь о прекращении родственных отношений, семейных контактов, а вовсе не о том,

что его бабушка умерла или перестала считаться таковой юридически (тем более, реально). При таком понимании семантики слова на первый план выходят ассоциативные признаки («близкий человек, достойный любви и уважения»), тогда как признак «кровное родство» становится несущественным.

Ср. также случай внешнего алогизма при употреблении другого термина родства: *Алкоголик и наркоман, он несколько раз избивал своих родителей за то, что выбросили «травку». Мать, Лидия Никифоровна, как-то месяц пролежала в больнице после сыновьих кулаков. Однако шума подымать не стала: сын есть сын* (Е. Березина). При первом употреблении слова *сын* значимы только ядерные семы, только формальные признаки семейных связей. Во втором случае на первый план выступает ассоциативный признак «ребенок, нуждающийся в защите матери».

Рассмотренный материал позволяет убедиться в прагматической значимости ассоциативных признаков слова, которые подсознательно известны каждому человеку, говорящему на русском языке и знакомому с национальным характером и бытом народа. Ассоциативные семы — это именно часть словесной семантики, а не признаки понятия или денотата. Конечно, широкая теория лексического значения существенно осложняет описание семантики конкретных лексических единиц и их объединений, заново ставит, казалось бы, давно решенную проблему. Однако, как известно, сложность отыскания чего-либо вовсе не доказывает отсутствия искомого.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Васильев Л. М.* Семантические классы глаголов чувства, мысли и речи // Очерки по семантике русского глагола. Уфа, 1971.
2. *Он же.* Современная лингвистическая семантика. М., 1990.
3. *Кузнецов А. М.* От компонентного анализа к компонентному синтезу. М., 1986.
4. *Он же.* Структурно-семантические параметры в лексике. М., 1980.
5. *Кузнецова Э. В.* Русская лексика как система. Свердловск, 1980.
6. *Ломтев Т. П.* Конструктивное построение смыслов имен с помощью комбинаторной методики (термины родства в русском языке) // Филол. науки. 1964. № 2.
7. *Никитин М. В.* Лексическое значение слова. М., 1983.
8. *Он же.* Основы лингвистической теории значения. М., 1988.
9. *Новиков Л. А.* Семантика русского языка. М., 1982.
10. *Сентенберг И. В.* Лексическая семантика английского глагола. М., 1984.
11. *Словарь ассоциативных норм русского языка* / Под ред. А. А. Леонтьева. М., 1977.
12. *Стернин И. А.* Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985.
13. *Уфимцева А. А.* Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968.
14. *Цветков Н. В.* К методологии компонентного анализа // Вопросы языкознания. 1984. № 2.
15. *Чейф У.* Значение и структура языка. М., 1975.
16. *Чудинов А. П.* Регулярная многозначность в глагольной лексике. Свердловск, 1986.

17. *Он же*. Типология варьирования глагольной семантики. Свердловск, 1988.
18. *Шмелев Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
19. *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
20. *Goodenough W. H.* Componential analysis and Study of Meaning // *Language*. 1956. V. 32.
21. *Lounsbury T. G.* A Semantic analysis of the Pawnee Kinship Usag // *Ibid.*

Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1993

М. Ю. НОВИКОВА
Даугавпилсский пединститут

КОННОТАЦИЯ КАК МАКРОКОМПОНЕНТ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ И КАК ЭСТЕТИЧЕСКИ НАГРУЖЕННЫЙ ПОДТЕКСТ

Исследуется специфика усиления коннотативных компонентов словесной семантики в речи под воздействием эстетически нагруженного контекста.

Рассматривая вслед за В. Н. Телия коннотацию как макрокомпонент лексического значения языковой единицы особого типа (экспрессивно окрашивающего), важно установить связь между структурными и функциональными характеристиками коннотации. С одной стороны, коннотативная модальность, обрамляющая лексическое значение, выступает как «часть» его, являясь принадлежностью системы языка. С другой стороны, получая эстетическое развертывание в пределах художественного текста, коннотация представляет собой подтекст, формирующий эстетическое значение слова на основе экспликации прагматической значимой субъективно-оценочной и стилистической маркированной информации. И здесь уже коннотацию целесообразно интерпретировать как категорию речи (текста), а не языка.

Совмещение в коннотации макрокомпонентных и подтекстных сторон может, на первый взгляд, показаться парадоксальным, но противоречивость в данном случае — только видимая. Как справедливо подчеркивает В. Н. Телия, «коннотация как макрокомпонент семантики слов и устойчивых выражений по составу своих микрокомпонентов... по их взаимодействию и по прагматической нацеленности как бы повторяет структуру той информации, которую обычно называют подтекстом. ...Универсальные механизмы эмотивно-стилистического воздействия могут различаться по форме воплощения, но не по смысловой нагрузке. ...В отличие от подтекста как частного случая коннотативности».